

Сяо Эр, стоявший рядом, догадался, в чём дело, и с горькой усмешкой объяснил Люлюй:

— Он беден, зимой делать нечего, жалеет одежду, поэтому, наверное, не надел...

Люлюй была поражена.

Люлюй уже можно было считать домочадцем в доме Оуяна, её родители были слугами, которые служили ему с самого детства. Хотя она выросла в роли служанки, под защитой Оуяна ей никогда не приходилось страдать от голода или холода, а арендаторы, с которыми она общалась, работали на Оуяна много лет. Независимо от урожая, они получали субсидии от дома Оуяна дважды в год, и как бы плохо они ни вели хозяйство, они никогда не доходили до того, чтобы не иметь одежды.

Люлюй машинально взглянула на Оуяна, но на его лице не было и тени удивления, очевидно, что такие вещи его не удивляли.

Люлюй быстро взяла себя в руки, снова улыбнулась и сказала:

— Я хочу зайти внутрь, пожалуйста, попроси их одеться — не волнуйся, я подожду.

Лю Большеглазый снова был очарован её улыбкой, но, подчиняясь остаткам здравого смысла, посмотрел на Сяо Эра с мольбой о помощи.

Сяо Эр тоже был в замешательстве, но он понимал, что просьба Люлюй была одобрена самым важным гостем, и если Лю Большеглазый не согласится, они могут просто войти силой.

Подумав, Сяо Эр поклонился Оуяну, извинился и, схватив Лю Большеглазого за руку, отвёл его в сторону, тихо спросив:

— Говори правду, что случилось?

Лю Большеглазый криво улыбнулся и ответил:

— Вчера вечером моя мать и жена подрались и порвали одежду. Сегодня слишком холодно, я не хотел двигаться и решил проучить их, чтобы больше не ссорились, поэтому не пошёл за иголкой и ниткой... Ну, ты понял...

Сяо Эр был в шоке, с трудом сдержав желание выругаться, он лишь бросил Лю Большеглазому сердитый взгляд.

— Жди здесь, я пойду объясню гостям!

С этими словами Сяо Эр вернулся к Оуяну, с тревогой поклонился и, не скрывая, рассказал о бедственном положении семьи Лю Большеглазого, попросив Оуяна дать ему немного времени, чтобы сходить к соседям и одолжить одежду.

— Возвращайся быстрее, — без эмоций ответил Оуян.

— Понял! — Сяо Эр тут же развернулся и побежал к соседям.

Услышав разговор Оуяна и Сяо Эра, Люлюй с трудом сдержала улыбку, помахала рукой Лю Большеглазому, который уже отошёл на некоторое расстояние, и сказала:

— Не стой там, иди сюда, у меня есть ещё вопросы к тебе!

— Какие... какие вопросы? — Лю Большеглазый не смог устоять перед женским обаянием и невольно подошёл.

— Сколько человек в твоей семье, кто они? — спросила Люлюй.

— Моя мать, я, моя жена, два сына и дочь, это... — Лю Большеглазый начал считать по пальцам, — шесть человек!

— Вы всегда занимались сельским хозяйством в императорском поместье, ничего другого не делали? — продолжила Люлюй.

— Я только землю пашу, — покачал головой Лю Большеглазый, но тут же начал жаловаться, — Я хорошо пашу, но прежний староста считал, что я беден, а жена у меня некрасивая, поэтому не давал мне хорошей земли.

— Какая связь между бедностью и некрасивой женой и хорошей землёй?

Люлюй была в полном недоумении, но она знала, что, выведывая информацию, нельзя показывать своё непонимание, поэтому, подняв бровь, сказала:

— Если дать тебе хорошую землю, сможешь ли ты вырастить больше зерна, чем другие?

— Конечно, я отлично пашу! — Лю Большеглазый тут же начал хвастаться.

Оуян, слушая хвастовство Лю Большеглазого, одновременно наблюдал за реакцией одиннадцати «экзаменуемых».

Хуан Пэн уже вовсю записывал, остальные десять человек кто-то начал делать то же самое, а кто-то всё ещё пребывал в оцепенении.

Те, кто пребывал в оцепенении, частично совпадали с теми, кто ранее был вялым, но не полностью.

Однако Оуян не напоминал им и тем более не торопил.

Примерно через полчаса Сяо Эр вернулся с одеждой, а с ним была низенькая старушка. Морщины на её лице скрывали черты, и Оуян с компанией не смогли сразу определить, кем она приходится Сяо Эру, но его плащ был уже на ней, так что, даже если она не была его матерью, то точно была близкой родственницей.

Подойдя ближе, Оуян и его спутники поняли, почему Сяо Эр привёл старушку — он нёс мальчишескую одежду, а женская была у старушки, видимо, чтобы избежать лишних подозрений.

— Ваша милость, это моя мать, — Сяо Эр не забыл представиться, затем потянул мать, чтобы та поклонилась.

Старушка поспешно наклонилась, но от волнения забыла поздороваться.

Оуян никогда не играл в «простого парня» — ни в прошлой жизни, ни в нынешней, ни при прошлой династии, ни сейчас. Его положение не позволяло ему быть слишком дружелюбным, иначе он мог легко попасть в беду.

Поэтому Оуян лишь холодно посмотрел на мать и сына, а затем Таохун, стоявшая рядом,

помогла старушке выпрямиться.

Сяо Эр понимал, что сейчас не время для заигрываний, погода была настолько холодной, что вода замерзала на лету, и даже гости, одетые в меха, не могли согреться, так что они вряд ли захотят тратить время на то, чтобы мёрзнуть.

Закончив с поклонами, Сяо Эр поспешно отдал одежду Лю Большеглазому, чтобы тот вместе с матерью отнёс её жене, детям и матери Лю Большеглазого.

Прошло ещё полчаса, прежде чем Лю Большеглазый снова открыл дверь и с почтением пригласил Оуяна и его спутников войти.

Оуян даже не пошевелился.

Его духовное чутьё уже позволило ему «увидеть» всё, что происходило в доме, и ему не нужно было тратить время на то, чтобы зайти внутрь.

Люлюй уже сделала шаг, но, заметив, что Оуян не собирается заходить, замешкалась и машинально отступила.

Но мать Люлюй, которая была управляющей арендаторами у Оуяна, с ранних лет учила её: при осмотре поместья заход в дом — это важный шаг, и именно поэтому господин использует женщин-управляющих — мужчинам часто приходится думать о приличиях, а у женщин таких проблем нет — нельзя просто делать вид, что это неважно.

Вспомнив наставления матери, Люлюй решительно шагнула к двери глинобитной хижины.

Хуан Пэн, пользуясь своим юным возрастом и положением евнуха, без колебаний последовал за Люлюй.

Остальные десять мужчин оказались в затруднительном положении.

Из слов Лю Большеглазого было ясно, что в доме были только дети и женщины, и хотя в нынешние времена не было строгих правил о том, что мужчины и женщины не должны видаться, войти в чужой дом и увидеть полуодетых жену и мать было бы слишком неприлично.

В итоге из десяти человек восемь остались на месте, и только мужчина с одной рукой и самый пожилой старик решили войти.

Четверо вошедших не задержались в доме надолго и вскоре один за другим вышли.

Вернувшись к Оуяну, Люлюй сделала жест поклона, одновременно кивнув, давая понять, что в доме всё в порядке.

Оуян всегда строго управлял своим поместьем, и под предлогом посещения родственников нельзя было принимать незнакомцев. Если кто-то осмеливался использовать привилегии и удобства поместья для личной выгоды, вся семья отправлялась «удобрять поля».

Хотя это было императорское поместье, его особенности делали его даже более строгим, чем поместье Оуяна, и теперь, когда он явно организовал всё это, он, скорее всего, собирался управлять им по своим правилам.

Именно поэтому, войдя в дом, Люлюй осмотрела семью Лю Большеглазого по правилам поместья Оуяна.

Получив кивок Люлюй, Оуян слегка наклонил голову, что можно было расценить как одобрение.

Люлюй невольно обрадовалась, и на её лице появилась улыбка.

Маленький обмен между господином и служанкой не ускользнул от внимания нескольких наблюдательных «экзаменуемых», которые, ранее решив не заходить в дом, теперь пожалели о своём решении.

Оуян тоже заметил их смену настроения, но сделал вид, что не обратил внимания, и, подняв подбородок, сказал Сяо Эру:

— Идём к следующему дому.

Сяо Эр уже собирался ответить, как вдруг из глинобитной хижины Лю Большеглазого раздался громкий крик:

— Старая Лю, сними с себя эту одежду, чёрт побери! Она тебе одолжена, а не подарена!

<http://bllate.org/book/16203/1454521>